

Ю.А. Ковальчук

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КУЛЬТЕ ПРИРОДЫ У КОРЕЙЦЕВ В ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ XIX – НАЧАЛА XX В.

В статье показано, что представление о культе природы у корейцев сформировано в западном дискурсе путешествий XIX – начала XX в. на основе синтеза романтического и империалистического мировоззрений. Рассматривая культурные явления Кореи сквозь призму романтизма, западные писатели создавали образ корейского народа как экологического социума, ориентированного на постижение и сохранение природы. При этом империалистический подход проявлялся в критике образа жизни корейцев с целью обоснования культурной экспансии Запада в Корею.

Ключевые слова: Корея, литература путешествий, культ природы, имажология, романтизм, империализм.

Знакомство Запада с корейской культурой активизировалось в последней четверти XIX – начале XX в. в связи с установлением отношений между корейским государством Чосон и западными великими державами, началом торгового и культурного обмена и миссионерской деятельности. Этот процесс нашел отражение в многочисленных памятниках литературы путешествий, описывающих природу страны, нравы и быт ее населения.

С.Х. Алатас, Э. Саид, Дж.М. Кутзее, М.Л. Пратт и другие исследователи описали влияние империалистической идеологии и европоцентрической модели мировоззрения на литературу путешествий. Их работы показывают, что литература путешествий, соединяя в себе развлекательную и просветительскую функции, нацеливалась на удовлетворение интереса публики к различиям между местным населением и западными людьми, к экзотическому колориту чужих краев, полных непостижимых странностей. Она также являлась средством пропаганды, целями которой были легитимация вмешательства Запада в неевропейские страны через создание картин их упадка, а также оценка перспектив их интеграции в глобальную капиталистическую систему [1–4].

Объектом исследования в нашей статье выступают памятники жанра путешествий, созданные учеными К.-Ш. Далле (Франция) [5], Ш.Л. Вара (Франция) [6], Н. Г. Гариным-Михайловским (Россия) [7], В. Серошевским (Россия/Польша) [8]; дипломатами П. Ловеллом (США) [9], В.Р. Карлсом (Великобритания) [10], Ч.В. Кэмпбеллом (Великобритания) [11], Дж.Н. Керзоном (Великобритания) [12]; дипломатом и миссионером Х.Н. Алленом (США) [13]; журналистами А. Гамильтоном (Великобритания) [14], Дж. Лондоном (США) [15]; миссионерами Л. Хортон Ундервуд (США) [16], Дж. У. Гилмором (США) [17], Х.Б. Халбертом (США) [18], Хрисанфом (Щетковским) (Россия) [19], Дж.С. Гейлом (Канада) [20; 21], П. Вай (Австро-Венгрия) [22]; путешественниками А.Х. Севидж Лэндором (Великобритания) [23], А.Э. Дж. Кавендишем (Великобритания) [24], Л.Дж. Милн (США) [25], И. Берд Бишоп (Великобритания) [26].

В нашей статье впервые будет сделана попытка выделить категорию культа природы у корейцев, имплицитно присутствующую в описаниях западных авторов. Понятие о культе природы характеризуется западными наблюдателями как уникальная черта корейской ментальности, определяющая устои жизни всего общества. Задача статьи состоит в рассмотрении с помощью имагологического подхода изображения писателями данного культурного явления, основанного на идее превосходства западной цивилизации над цивилизациями Востока. Поскольку этнообразы характеризуются стереотипностью и значительной устойчивостью, выявление особенностей восприятия представителями западного мира национальных черт корейцев позволяет глубже понять влияние идеологического наследия прошлого на современное понимание корейской культуры в западном мире. Этим объясняется актуальность нашего исследования. Изучение категории культа природы у корейцев в западной литературе путешествий как элемента рецепции «Другого» вносит вклад в развитие литературной компаративистики и постколониальных штудий.

Формированию в западных травелогах представления о культе природы у корейцев в первую очередь способствовало знакомство путешественников с особым феноменом корейской культуры, не имеющим соответствия среди категорий мышления западных людей, – *кугён* (рассматривание, любование). Термин *кугён* в литературе путешествий трактуется в двух смыслах: 1) наблюдение нового или необычного зрелища ради развлечения [11. С. 149; 17. С. 167; 18. С. 370], в частности разглядывание иностранца и его

вещей [15. С. 123–125; 16. С. 43; 19. С. 11–12]; 2) путешествие ради осмотра пейзажей и достопримечательностей [12. С. 105–106; 26. С. 127, 144].

В первом случае понятие *кугён* получает несколько негативную коннотацию. «Низкая» форма *кугён* означает любопытство к чужим делам или удовлетворение потребности в новой информации и сравнивается с поведением зевак [19. С. 11–12] и фланеров [22. С. 249–250]. Такой *кугён* иностранные авторы воспринимали как истраченное попусту время, которое можно было посвятить труду, и как настырное вмешательство в приватность других людей, не осознавая, кажется, что и сами совершали в Корее *кугён*, прогуливаясь по улицам городов и деревень, наблюдая за незнакомыми корейцами и пытаясь заглянуть в их жилища.

«Высокий», или «благородный», уровень *кугён* означает поиск эстетических впечатлений и вдохновения для творчества через созерцание красоты природы. Западные писатели отмечают, что корейские путешественники, любясь пейзажем, поют от восторга, обсуждают его красоту, цитируют стихи классиков или слагают собственные [12. С. 105–106; 17. С. 177]. Сообщается, что в Корее существуют книги-путеводители, в которых каталогизированы красивые места всех провинций, и что для любования пейзажами корейцы готовы пешком преодолевать значительные расстояния [9. С. 58–59; 18. С. 12].

Иностранцы обращали внимание на то, что в городах Кореи нет общественных мест для отдыха и развлечений [18. С. 249; 26. С. 39, 60]. Объяснение этого факта состоит в том, что досуг у корейцев тесно ассоциируется с любованием природой. Корейцы ощущают постоянную необходимость поддерживать связь с природой, даже находясь в компании. Для коллективного проведения досуга они предпочитают места, откуда открывается хороший вид: корейские мужчины любят прогуливаться в горах, устраивают банкеты в павильонах, расположенных в живописных местах, где пейзаж служит не декорацией, а главным объектом, ради которого пришли участники собрания [9. С. 130; 17. С. 177–178].

С другой стороны, возможность общения с природой в моменты уединения предоставляет корейцу сад. Согласно наблюдениям западных писателей [6. С. 330; 25. С. 63; 9. С. 280–284; 18. С. 330] корейское садовое искусство стремится не покорить природу, ограничивая ее определенными формами, а деликатно приручить, проявляя

к ней почтение. Совершенство корейского сада состоит в балансе свободных натуральных форм растений и каменных глыб с рукотворной красотой искусственных водоемов и архитектурных сооружений. Сад устраивают таким образом, чтобы в нем была видна имитация законов природы, а не вмешательство в них. Корейское пейзажное садоводство, по выражению Л.Дж. Милн, есть искусство «приносить природу в сад и там ее украшать, не обижая» [25. С. 56–57].

Восхищение красотой природы служит одной из важных тем европейской литературы романтизма, поскольку прогулка на природе является способом бегства от обыденности. Романтические мыслители полагали, что уединение на природе способствует самопознанию, развивает богатство духовного мира. Способности различать и ценить живописные ландшафты, получать наслаждение от их созерцания и творчески их осмысливать считались в европейской культурной традиции признаками высокоразвитого вкуса и интеллекта. Кроме того, прогулки или путешествия ради удовольствия воспринимались как привилегия элиты, имеющей право на досуг.

Авторы литературы путешествий приходят к выводу, что любовование природой является важной составляющей корейской системы ценностей и общественной жизни. Но многих иностранцев удивляло чрезвычайно трепетное отношение всех слоев населения к красивым пейзажам и природе в целом, так как оно не вписывалось в систему представлений о странах Востока как отсталых и лишенных истинной духовности. Западные писатели намекали на то, что заниматься туризмом и любованием пейзажами подобает представителям развитой цивилизации, а «примитивным» корейцам следует более рационально распоряжаться временем, сосредоточившись на устранении пороков общества. Дж.Н. Керзон отмечает, что в феномене *кугён* присутствует романтический элемент (это путешествие, позволяющее «ускользнуть от всех забот»), но пытается принизить его значение, называя *кугён* поводом «слоняться без дела, где вздумается», а корейскую чувствительность к природным красотам характеризуя как «полуэстетическое» и «полусуеверное» поклонение [12. С. 105–106].

Корейцы не просто любят природу, она для них священна и жива: «Корейцы... считают, что скалы – это кости земли, а почва – это плоть земли. Цветы и деревья считают ее волосами» [25. С. 49]. Они почтительно относятся к природе и считают недопустимым

тревожить ее, а потому не добывают из недр полезные ископаемые, не вырубают леса в промышленных масштабах [13. С. 28; 17. С. 183].

Вездесущая божественность природы окружает человека, где бы он ни был [7. С. 103; 14. С. 6–7; 26. С. 403–404]. Феномен природы в сознании корейцев является сакральным единством разнообразных сущностей: объектами поклонения выступают духи деревьев, водоемов, гор, человеческих жилищ и т.д. Особое место в этом веровании жители Кореи, горной страны, отводят именно горам, часто воплощенным в образах драконов [7. С. 137–138; 14. С. 6–7; 21. С. 7]. Горы для корейцев – это также место пребывания предков, погребенных на их склонах. То есть духи умерших людей становятся как бы частью природного пантеона.

Поскольку любую местность населяют духи, человек должен налаживать с ними гармоничные отношения, прося о защите и благополучии. Например, Дж. Керзон сообщает о поклонении духам гор на бытовом уровне: входя на территорию горных духов, путешественник обязан проявить свое уважение, положив скромные символические пожертвования в виде камня, лоскута ткани от одежды, монеты возле святилища на вершине; а также на государственном уровне: ежегодно делегация чиновников из столицы совершает ритуал поблизости от горы Пэктусан [12. С. 105–106]. Очевидно, учитывая подобные сведения о корейских верованиях, А. Кавендиш относит *кугён* к разновидностям паломничества [24. С. 31].

Западные исследователи отмечали, что любование природой – главный источник вдохновения корейских литераторов и художников. П. Ловелл резко противопоставил восточное и европейское искусство, подметив, что корейцы черпают мотивы из природы, а европейцы сосредоточены на изображении человеческой фигуры [9. С. 280]. Западные писатели признавали за корейскими поэтами тонкое понимание красоты окружающего мира [18. С. 12; 26. С. 167–168], называли изысканные картины, изображающие природные объекты, «высшим» и «подлинным» искусством [9. С. 287; 18. С. 334]. Однако, рассуждали они, это искусство не способно достигаться до сердец западной публики. На взгляд европейца, не получившего специальной подготовки, оно покажется однообразно скучным и ограниченным конвенциональными условностями [9. С. 285; 18. С. 334].

Культ природы у корейцев заметен и в особенном отношении к земледелию, занятие которым означает взаимодействие человека

с окружающей средой и является основным источником обеспечения выживания человеческого рода. В отличие от торговли и ремесел, направленных на приумножение материальных благ, труд на земле считается благородным занятием, достойным даже аристократов [18. С. 269]. Корейский земледелец – «идеальное дитя природы», образ жизни которого предусматривает постоянное проживание на одном месте, умение ценить его красоту, поклонение его духам, аскетический быт и постоянный уход за землей [14. С. 97–98].

Эта простота в быту ассоциируется у западных наблюдателей с нищетой, однако многие авторы поясняют, что бедность корейцев иллюзорна, так как они обеспечены всем необходимым, хотя и без излишеств [10. С. 167; 12. С. 101; 16. С. 4; 26. С. 78, 332]. Они сознательно выбирают такой образ жизни, игнорируя физический комфорт. «Это поразительная черта корейца – доводить до минимума всякую потребность. Все есть, но все в самой минимальной дозе», – указывает Н.Г. Гарин [7. С. 143]. Не обременяя себя хлопотами о материальном, нетребовательные корейцы живут в беззаботном спокойствии и гармонии с природной средой [20. С. 53]. Крестьяне следуют принципам натурального хозяйства, изготавливая все предметы домашнего обихода в своем дворе и находя применение для отходов [8. С. 318–321; 18. С. 270].

Быт всех слоев населения Кореи, от крестьянина до короля, чрезвычайно прост, они берут от природы лишь необходимый минимум. Часто встречаются упоминания о скромности корейской аристократии [8. С. 476–477; 9. С. 84; 10. С. 21; 18. С. 242–243; 22. С. 266; 23. С. 42]. Ряд авторов, которым довелось побывать на аудиенции у монарха, свидетельствуют, что красота дворцовых ансамблей состоит в простоте, что в покоях правителя не было предметов роскоши, а в его наряде – излишнего великолепия [5. С. XXVII; 10. С. 86; 12. С. 150; 22. С. 93–94; 23. С. 186, 193; 25. С. 63]. Поскольку показное богатство считается в конфуцианской цивилизации вульгарностью, в усадьбах и костюмах элиты незаметно разительных отличий от жилищ и одежды крестьян [18. С. 242–243; 23. С. 142].

Впрочем, оценки западными писателями лаконизма в интерьере домов корейских верхов общества разделяются на противоположные. Некоторым недостаток декора кажется отсутствием вкуса, свидетельством неразвитости эстетического чувства [5. С. XXVII; 18. С. 330–331; 23. С. 139]. Но также встречается и одобрителное отношение. Тесные комнаты, малое количество или полное отсутствие

мебели и предметов искусства, оклеенные бумагой стены и пол создают впечатление величественной простоты жителей дома, их сосредоточенности не на наслаждениях, а на духовном развитии [8. С. 476–477; 9. С. 84; 10. С. 21; 22. С. 266].

Неприхотливость корейцев различных социальных классов с точки зрения многих западных писателей свидетельствует о примитивности корейского способа производства и стагнации в экономике. Их равнодушие к материальным вещам и нежелание заниматься торговлей ради накопления богатства воспринимались как препятствия для приобщения Кореи к капиталистической системе. Но вместе с тем эти особенности корейского характера указывали на возможность легко обратить местное население в христианство, проповедующее приоритет духовного над телесным.

«Естественность» корейцев не всегда имеет приятный вид. Некоторые ее аспекты вызывают у иностранцев удивление и неприятие, в основном из-за противоречия нормам христианской морали. Это спокойное отношение корейцев у обнаженному телу (детей выпускают на улицу полностью раздетыми, женщины низких классов ходят с оголенной грудью), неопрятность корейцев (они не обращают внимания на грязь и насекомых-паразитов в жилищах, на запах немытого тела, испачканную одежду, зловонные сточные канавы на улицах и др.), а также потакание животным инстинктам (чревоугодие, пьянство, сексуальная распушенность).

Писатели дополняют характеристику корейцев как «природного народа» в непривлекательном смысле, акцентируя внимание на их неразборчивости в еде, обжорстве и пьянстве. Перечисления разнообразных продуктов, присутствующих в корейском меню (в частности, собачатина, сырая рыба, потроха, соусы с резким запахом), вызывают у европейцев отвращение [5. С. CLVIII–CL; 8. С. 142–144; 14. С. 104; 26. С. 154–155]. Неутолимый аппетит вынуждает равно и крестьян, и аристократов набивать желудок невероятным количеством пищи, когда только выпадает такая возможность. Подобно животным, не ведающим брезгливости и умеренности, корейцы относятся к еде и питью как к высшим удовольствиям. Количество съеденного, а не качество или эстетичность сервировки приносит корейцам истинное удовлетворение. Переедание и неумеренное употребление алкоголя не считаются у них пороками, а наоборот, вызывают восхищение [5. С. CLVIII–CL; 9. С. 55–56; 16. С. 96; 23. С. 145–148; 25. С. 24, 204–205; 26. С. 91, 153–155].

В романтическом видении территории, не освоенные западными людьми, считались дикими, а люди, населяющие их, – дикарями. Эта «дикость» в случае с корейцами не стала синонимом жестокого варварства. Наоборот, «дикий» корейский народ живет по законам природы, в состоянии духовной чистоты и в согласии с совестью. Во многих произведениях литературы путешествий сложился своеобразный портрет корейского крестьянства как суеверных, но благородных и чистых полудикарей, живущих в согласии с природой в своем скромном замкнутом мире, еще не испорченном западной цивилизацией. Западные авторы хвалят крестьян и городскую бедноту за неагрессивность, вежливость, семейность, обычаи взаимопомощи и гостеприимности. Ряд авторов, сочувственно настроенных к Корее, упоминали, что достоинства, присущие корейским крестьянам, совершенно созвучны христианским принципам самоограничения в земной жизни и любви к ближнему, обращая внимание читательской аудитории на то, что милосердие и искренность корейцев делают их выше так называемых «цивилизованных» людей [6. С. 322; 7. С. 216; 13. С. 9–10; 20. С. 42; 23. С. 96, 281–282]. Таким образом они прогнозировали успех в деле обращения корейцев в христианскую веру.

Однако при этом писатели не забывали и указывать на недостатки, проистекающие из недостатка моральности в языческом корейском обществе. Умение довольствоваться малым трактовалось как лень и причина отсталости промышленности, злоупотребление помощью и гостеприимством показано как причина процветания коррупции в Корее, любовь к застольям служит примером неумения контролировать телесные желания. Писатели показывали, что корейцам необходимы контроль и просвещение со стороны прогрессивных стран, т.е. находили обоснование для культурной и коммерческой экспансии Запада.

В целом в литературе путешествий сложился образ корейского народа как экологического социума, ориентированного на сохранение природы и ее прославление. Согласно рассуждениям западных писателей природа в корейском сознании воспринимается как сложный одухотворенный комплекс, а люди, будучи его частью, стараются своей деятельностью не нарушать гармонию. Носителями этого исконного корейского мировоззрения являются и крестьяне, дети природы, живущие по ее законам, и аристократы, возводящие поклонение природе на уровень высокого искусства и государственной

идеологии. Внимание западных писателей к категории культа природы у корейцев стало важным шагом на пути постижения западными людьми корейской национальной идентичности.

Литература

1. *Alatas S.H.* The myth of the lazy native. London, 1977. 263 p.
2. *Said E.W.* Orientalism. New York, 1979. 368 p.
3. *Coetzee J.M.* White writing: on the culture of letters in South Africa. New Haven, 1988. 193 p.
4. *Pratt M.L.* Imperial eyes: travel writing and transculturation. London, New York, 1992. 257 p.
5. *Dallet Ch.* Histoire de l'église de Corée: précédée d'une introduction sur l'histoire, les institutions, la langue, les mœurs et coutumes coréennes. Paris, 1874. Vol. 1. 616 p.
6. *Varat Ch.* Voyage en Corée // *Le Tour du Monde*. Paris, 1892. Vol. LXIII. P. 289–368.
7. *Гарин Н.Г.* Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). М., 1952. 446 с.
8. *Серошевский В.* Сочинения. СПб., 1909. Т. 8. Корея. 512 с.
9. *Lowell P.* Choson: the land of the morning calm. Boston, 1886. 412 p.
10. *Carles W.R.* Life in Corea. London; New York, 1888. 317 p.
11. *Campbell C.W.* A Journey through North Korea to the Ch'ang-pai Shan // *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography*. 1892. Vol. XIV, №. 3. P. 141–161.
12. *Curzon G.N.* Problems of the Far East. London, New York, 1894. 441 p.
13. *Korean tales* / Ed. H.N. Allen. New York; London, 1889. 193 p.
14. *Гамильтон А.* Корея / пер. с англ. СПб., 1904. 249 с.
15. *책 런던. 책 런던의 조선사람 옛보기. 1904년 러일전쟁 종군기.* 서울, 2011. 256 면. (*Лондон Дж.* Наблюдения за корейцами: Корреспонденции с фронтов Русско-японской войны 1904 года. Сеул, 2011. 256 с.)
16. *Underwood L.H.* Fifteen years among the top-knots, or Life in Korea. Boston; New York; Chicago, 1904. 271 p.
17. *Gilmore G.W.* Korea from its capital. Philadelphia, 1892. 328 p.
18. *Hulbert H.B.* The passing of Korea. New York, 1906. 473 p.
19. *Хрисанф (Щетковский).* История Российской духовной миссии в Корее. М., 1999. 370 с.
20. *Gale J.S.* Korean sketches. New York, Chicago, Toronto, 1899. 256 p.
21. *Gale J.S.* Korea in transition. Cincinnati, New York, 1909. 270 p.
22. *Vay P.* Empires and emperors of Russia, China, Korea, and Japan. London, 1906. 399 p.
23. *Landor A.H.S.* Corea or Cho-sen. London, 1895. 304 p.
24. *Cavendish A.E.J.* Korea and the sacred White mountain. London, 1894. 224 p.
25. *Miln L.J.* Quaint Korea. London, 1895. 306 p.
26. *Bird Bishop I.* Korea and her neighbors. New York, Chicago, Toronto, 1898. 488 p.

Kovalchuk, Yulia A. Taras Shevchenko National University of Kyiv, Institute of Philology (Kyiv, Ukraine). E-mail: yulaukr@bigmir.net

THE CONCEPTION OF THE KOREAN CULT OF NATURE IN WESTERN TRAVEL LITERATURE OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2016, 2(6), pp. 58–68. DOI: 10.17223/24099554/6/3

Keywords: Korea, travel literature, cult of nature, imagology, Romanticism, Imperialism.

The conception of the Korean cult of nature was formed in Western travel literature discourse of the 19th – early 20th centuries on the basis of a mixture of Romantic and Imperialistic worldviews. According to the observations by Western travelers, the category of the cult of nature was a unique trait of Korean mentality that determined the way of life of the whole society. Western writers came to the conclusion that veneration to nature was an important component of the Korean system of values and social life. In the Koreans' perception nature and human beings were parts of a harmonious spiritual complex.

Dealing with the cult of nature in the light of Romanticism, Western authors created the image of Korean people as an ecological society that directed efforts to the comprehension and preservation of the environment. The Korean cult of nature included such elements as traveling for the contemplation of natural beauty, search of aesthetic impressions and inspiration for creative work through an intercourse with nature, tendency of the imitation of natural laws in arts and landscape gardening, worship of local spirits at private and governmental levels, respect to agricultural work, asceticism in everyday life. Many travelogues portrayed Korean peasants as noble half-savages, who lived in concord with nature in their secluded world, not corrupted by Western civilization.

At the same time the Imperialistic approach showed in the criticism of the Korean way of life and justified the cultural expansion of the West in Korea. Koreans' consideration for beautiful landscapes and nature on the whole did not conform to the conception of Oriental peoples as backward and deficient of the true morality. Therefore, some writers tried to depreciate the cult of nature. Koreans' modesty and indifference to material wealth were shown as the indications of the primitiveness of Korean industry and stagnation in the economy. These features of Korean people were regarded by Westerners as obstacles to the introduction of Korea into the global capitalistic system. Also, the natural way of the Koreans' life in some aspects contradicted to Christian morals. Western travelers argued that the Koreans needed supervision, instruction and evangelization by progressive countries.

Attention to the category of the Korean cult of nature was an important step to the understanding of the Korean national identity by the Westerners. Analysis of the Western perception of this category helps to have a deeper insight into the impact of the ideologies of the past on the modern comprehension of Korean culture in the Western world.

References

1. Alatas, S.H. (1977) *The myth of the lazy native*. London: Frank Cass.
2. Said, E.W. (1979) *Orientalism*. New York: Pantheon Books.
3. Coetzee, J.M. (1988) *White writing: on the culture of letters in South Africa*. New Haven: Yale University Press.
4. Pratt, M.L. (1992) *Imperial eyes: travel writing and transculturation*. London, New York: Routledge.

5. Dallet, Ch. (1874) *Histoire de l'église de Corée: précédée d'une introduction sur l'histoire, les institutions, la langue, les mœurs et coutumes coréennes* [History of Korean church: with an introduction on the Korean history, institutions, language, manners and customs] Vol. 1. Paris: Palmé.
6. Varat, Ch. (1892) Voyage en Corée [Travel to Korea]. *Le Tour du Monde*. LXIII. pp. 289–368.
7. Garin, N.G. (1952) *Iz dnevnikov krugosvetnogo puteshestviya (po Koree, Manchzhuriy i Lyaodunskomu poluoostrovu)* [From the diaries of the world tour (in Korea, Manchuria and the Liaodong Peninsula)]. Moscow: Geografiz.
8. Sieroszewski, W. (1909) *Sochineniya* [Works]. Vol. 8. St. Petersburg: Znanie.
9. Lowell, P. (1886) *Choson: the land of the morning calm*. Boston: Ticknor and company.
10. Carles, W.R. (1888) *Life in Corea*. London, New York: Macmillan.
11. Campbell, C.W. (1892) A Journey through North Korea to the Ch'ang-pai Shan. *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography*. XIV. 3. pp. 141–161.
12. Curzon, G.N. (1894) *Problems of the Far East*. London, New York: Longmans, Green.
13. Allen, H.N. (ed.) (1889) *Korean tales*. New York, London: G.P. Putnam's Sons .
14. Hamilton, A. (1904) *Koreya* [Korea] Translated from English. St. Petersburg: A.S. Suvarin.
15. London, J. (2011) *Peeking at the Korean people. The Russian-Japanese War of 1904*. Seoul: [s.n.].
16. Underwood, L.H. (1904) *Fifteen years among the top-knots, or Life in Korea*. Boston, New York, Chicago: American tract society.
17. Gilmore, G.W. (1892) *Korea from its capital*. Philadelphia: Presbyterian Boards of Publication and Sabbath-School Work.
18. Hulbert, H.B. (1906) *The passing of Korea*. New York: Doubleday, Page & company.
19. Khrisanf (Shchetkovskiy). (1990) *Istoriya Rossiyskoy dukhovnoy missii v Koree* [History of Russian Orthodox Mission in Korea]. Moscow: Svyato-Vladimirskogo bratstva.
20. Gale, J.S. (1899) *Korean sketches*. New York, Chicago, Toronto: Fleming H. Revell.
21. Gale, J.S. (1909) *Korea in transition*. Cincinnati, Jennings & Graham; New York, Eaton & Maine.
22. Vay, P. (1906) *Empires and emperors of Russia, China, Korea, and Japan*. London: J. Murray.
23. Landor, A.H.S. (1895) *Corea or Cho-sen*. London: W. Heinemann.
24. Cavendish, A.E.J. (1894) *Korea and the sacred White mountain*. London: G. Philip.
25. Miln, L.J. (1895) *Quaint Korea*. London: Osgood, McIlvaine & Co.
26. Bird Bishop, I. (1898) *Korea and her neighbors*. New York, Chicago, Toronto.